

Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990.

Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVII – XX вв. М., 1989.

Тхайцухов М.С. К вопросу об этнических связях абазин с адыгами и абхазами в XIX в. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (Материальная и духовная культура, вып. 2). Черкесск, 1983.

Унарокова М.Ю. Полисемия традиционной одежды адыгов // Нравы, традиции и обычаи народов Северного Кавказа. Пятигорск, 1997.

Е.Л. Кубель

НАМОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КАРАКАЛПАКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2012 г.)

В Каракалпакстане до сих пор сохраняется обычай хоронить покойника на родовом кладбище, которое зачастую расположено довольно далеко от места его проживания. Кладбище может быть небольшим и использоваться одной или несколькими родовыми группами, как, например, кладбище возле аула Караой Караузьякского района.

Большинство крупных кладбищ в Каракалпакстане являются смешанными с этнической точки зрения, они располагаются рядом с *мазаром* какого-либо общемусульманского святого или нескольких святых, к которому верующие совершают паломничества. Таково, например, средневековое городище Миздахкан (недалеко от г. Ходжейли) с *мазаром* Музлумхан-Сула (конец XIII — начало XIV в.) и функционирующим поныне кладбищем. Другое крупное кладбище с могилами святых Шыбли-ата и Кайп-ата расположено около пос. Халхабад Кегейлийского района и также является местом паломничества.

На таких кладбищах могилы каракалпачков, узбеков, казахов и туркмен расположены по соседству, но компактно, родовыми группами. Наряду с этим в г. Нукус существует старое городское кладбище, на котором, по словам информантов, начиная с 1930-х годов (после того, как город стал столицей республики) захоранивают умерших те, кто не придерживается традиционных обычаев

или не имеет возможности доставить покойного к родовому месту захоронения.

Каракалпаки традиционно хоронят усопшего на третий день после смерти. Покойного, облаченного в саван, доставляют на кладбище на деревянных носилках *табыт*. Если позволяет грунт, то захоранивают в нише *лахат* боковой стенки придонной части могилы, после чего ниша закрывается кладкой из сырцовых кирпичей. Затем могила перекрывается поперек нечетным количеством жердей (7, 9, 11), покрывается циновкой и засыпается землей.

Сверху кладут деревянные носилки *табыт*, которые остаются на могиле. Другое название носилок — *агаиш ат* (каракалп. «деревянный конь»), сохранившееся в каракалпакском эпосе, дало возможность исследователям рассматривать подобное использование носилок как пережиток древнетюркского обряда захоронения покойного вместе с его конем [Народы Средней Азии и Казахстана... 1960: 500].

Носилки на могиле могут стоять плашмя, боком или вертикально. В последнем случае их втыкают в землю около могилы или прислоняют к стене погребального сооружения или ограды.

Встречаются *табыт* двух типов. Первый — традиционного среднеазиатского вида, из двух параллельных уплощенных брусьев со скошенными концами, с нечетным количеством поперечных перекладин (5, 7). Другой тип носилок является модификацией первого, к которому добавляются прямоугольные «спинки» из трех планок, соединенных перекладиной, на которую во время похорон накидывают белую ткань. По словам информантов, такие носилки используются в Каракалпакстане для ритуала похорон членов родовой группы *ходжа*, вне зависимости от этнической принадлежности умершего [Кубель 2012: запись 25.09.12].

На могилах часто присутствует длинный деревянный шест с привязанной к нему белой тканью, воткнутый со стороны головы умершего. На очень старых могилах такие шесты покосились или упали, но, по поверью каракалпаков, ни обновлять ткань, ни поднимать шесты нельзя.

Каракалпакские надгробные сооружения включают в себя надгробия, ограждения и сооружения с четырьмя стенами под крышей.

Самый распространенный вид надгробия — сооружение из ветвей *жсингила*. Ветви кустарника, переплетенные и поставленные конусом, прикрывают лежащие на могиле носилки (иногда носилки лежат поверх веток). На современных могилах такое сооружение обвязывается лентами из белой ткани. Другой вариант: носилки ставят боком, тогда ветви кустарника, поставленного «домиком», перекрывают их по всей длине. Конструкция надгробий из ветвей *жсингила* оставалась практически неизменной с 1920-х годов до нашего времени, о чем свидетельствуют фотоматериалы А. Л. Мелкова, посетившего Каракалпакстан в 1927–1928 гг. [МАЭ, колл. 4076-520].

Другой тип надгробия — глинобитные сооружения различных форм. Например, надгробие в форме трехгранной призмы находится на могиле известного народного целителя Мадреимова Ишангазы (1911–2001), считающегося в народе святым, его могила стала местным *мазаром*. Он похоронен на родовом кладбище рядом с аулом Караой, Караузякского района. Рядом с его могилой семья возвела небольшое однокамерное помещение под плоской крышей, внутри которого посетитель может помолиться прямо у могилы святого, т.к. торец надгробия вплотную подходит к незакрытой части стенового проема.

Надгробия могут быть и прямоугольной формы, разных размеров и высоты, от небольших плоских до очень крупных (высотой 60–80 см), занимающих весь участок погребения. Два таких надгробия 1989 г. и 1990 г. расположены на кладбище Шыбли-ата и на городском кладбище г. Нукус (последнее надгробие облицовано мрамором). Возможно, необычно большой размер надгробия призван подчеркнуть высокий социальный статус усопших. Погребения бывают как одиночные, так и семейные.

Отличие детских могил от взрослых заключалось в том, что на детские было принято ставить колыбель *бесик*. Их остатки встречаются на старых детских захоронениях. На могилах недавнего времени чаще встречаются носилки *табыт*.

Наибольшие изменения за последние 80–90 лет коснулись ограждений. Они различны как по форме, так и по материалу, из которого сделаны. Наиболее ранними из известных нам (по фотокolleкции А.Л. Мелкова), являются ограждения из битой глины [МАЭ, колл. 4076–518].

В конце 1950-х годов на кладбище у пос. Караузьяк были зафиксированы большие семейные захоронения, окруженные высокими глинобитными оградами с резными орнаментами и башенками на углах. На кладбище аула Караой в 2012 г. мы видели остатки высокой глинобитной ограды семейного погребения, предположительно середины прошлого века. К сожалению, ввиду отсутствия надписей определить точное время захоронения не представляется возможным.

На кладбище Шыбли-ата встречаются ограды деревянные, из вертикальных круглых брусьев, закрепленных по нижнему и верхнему периметру двойным рядом таких же планок. По виду они напоминают металлические оградки, которые с 1960-х годов получили широкое распространение в Каракалпакстане. Эти металлические ограды похожи на такие же сооружения, стоящие на огромном количестве кладбищ бывшего Советского Союза и отличаются от них только отсутствием двери (у каракалпачков не принято заходить за ограждение, чтобы приблизиться к могиле).

Интересные варианты ограды зафиксированы на кладбище Шыбли-ата. Первый: вертикально поставленные невысокие тонкие каменные плиты, укрепленные поперечными и продольными деревянными планками, на которые уложены носилки (покрывавшая планки земля с течением времени просыпалась в могилу). Второй: деревянная ограда, предположительно 1950–1960-х годов, высотой 160–170 см, прямоугольной формы, из плотно пригнанных досок, покрашенных снаружи синей краской. Верхняя часть узких торцевых сторон (более высокая по сравнению с боковыми сторонами) — треугольной формы.

В 1960-е годы, по словам информантов, над могилой ставили небольшие деревянные домики с двускатной крышей [Кубель 2012; запись 27.09.12]. На кладбище аула Караой сохранилось несколько таких сооружений. Они представляют собой несколько

вариантов развития вышеописанной конструкции из досок синего цвета, встреченной нами на кладбище Шыбли-ата, дополненной двускатной крышей. Первый вариант: стены строения сделаны из планок, отстоящих друг от друга на расстоянии, крыша небольшая. Второй вариант: сооружение построено из близко стоящих досок, широкая крыша достигает земли. Исходя из наших полевых материалов, можно сделать предварительный вывод, что такого рода деревянные надгробные сооружения почти не встречаются с конца 1960-х годов.

Традиционный для региона материал, постепенно сменивший битую глину, — сырцовый кирпич, широко используется каракалпаками до сих пор в строительстве надгробных оградок. Если позволяют финансы, в строительстве используют более дорогой шлифованный кирпич. При всем внешнем многообразии можно выделить несколько наиболее часто встречающихся типов оградок.

Первый тип: прямоугольное в плане сооружение с одной высокой торцевой стеной (кладбище г. Нукус). Первый подтип: прямоугольное сооружение с башенками на углах (кладбище Шыбли-ата). Второй подтип: повторение первого, с добавлением высокого треугольного завершения на одной или двух торцевых стенах сооружения (кладбище Миздахкан, г. Нукус, Шыбли-ата). В одной торцевой стене всех сооружений первого типа в центре делают нишу. Она может быть пустой, а может содержать надпись с годами жизни или изображение покойного (или покойных, если захоронение семейное). Иногда торцевая стена дополнительно декорирована фарфоровыми тарелками, вставленными в углубления, отделана кафельными плитками, белыми и с рисунком (Миздахкан, г. Нукус). Если сооружение высокое и нельзя заглянуть внутрь с высоты человеческого роста, повсеместно делают в стенах небольшие окошки.

Второй тип: прямоугольная или многоугольная ограда одной высоты, окружающая захоронение (аул Караой). Интересный вариант оформления могилы находится на том же кладбище: рядом с многоугольной оградой поставлена стена с памятной доской, на которой портрет усопшего и надпись (могила академика С.К. Камалова).

Можно сделать некоторые предварительные выводы. Намогильные сооружения каракалпаков на протяжении последних девяноста лет пережили ряд трансформаций, как частично, так и полностью изменивших их облик. Это не был простой однолинейный процесс.

С одной стороны, мы можем констатировать, что наименьшим изменениям были подвергнуты намогильные сооружения из ветвей *жингила*, сохранившие до сего дня свое значение. Следует также отметить важную семантическую нагрузку, какую до сих пор несут в себе такие составляющие убранства каракалпакской могилы, как похоронные носилки и шест с белой тканью.

С другой стороны, наибольшие изменения коснулись ограждений могил. Архитектура и декор старинных глинобитных оградок в ряде случаев несли в себе черты каракалпакских *хаули*. С течением времени появлялись новые материалы и новые формы, иногда в новом все же проглядывалось нечто узнаваемое, например в башнях на углах оградок из сырцового кирпича прочитываются ложные башни, которыми фланкируются четыре боковые стороны традиционных *хаули*.

Наряду с этим шли разнообразные процессы, подчиненные общей логике развития не только дельты Амударьи, но и всего региона и, шире, всей страны.

Библиография

Кубель Е.Л. Полевой дневник экспедиционной поездки в Каракалпакстан: 2012 г. // Научный архив РЭМ.

Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1960. Т. 1.

З.А. Кучукова

ВЕРТИКАЛЬ КАК ОСНОВА КAVKAZСКОГО КОСМО-ПСИХО-ЛОГОСА

Отмечая степень этнокультурной детерминированности художника, Г.Д. Гачев в книге «Ментальности народов мира» [2003] выдвигает оригинальную концепцию о том, что каждому народу присуща своя собственная «сетка мыслительных координат»,

полученной автором статьи полевой информации, исфаханские продавцы ковров никогда не были в зороастрийском храме г. Исфахан и им неизвестно позднее происхождение чаш для огня. Напротив, они полагают, что так же, как и в случаях сохранения в ковроделии древнейших орнаментов, сохранились и изображения зороастрийских алтарей, поскольку «зороастризм — самая древняя религия». Таким образом, мы имеем дело с ошибкой, которую иногда совершают и исследователи зороастризма, переоценивая его консервативность. Ко всему прочему, толкование иранцами ваз как алтарей, будь оно справедливым или ошибочным, возникло на фоне роста интереса к зороастризму в обществе, хотя зачастую этот интерес сводится к использованию образа без должного внимания к его содержанию.

Библиография

Black J., Green A. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. L., 1992.

Housego J. Carpets // The Arts of Persia. Ed. by R.W. Ferrier. New Haven; L., 1989.

Е.Л. Кубель

КАРАКАЛПАКСКАЯ ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Количество экспонатов по рассматриваемой теме в каракалпакской коллекции Российского этнографического музея (РЭМ) составляет около 30 памятников. Самые ранние поступления относятся к 1929 г. Это пара детской обуви из собрания А.Л. Мелкова. Большая часть детской одежды была собрана в 1934 г. экспедицией Музея народов СССР (Москва) под руководством С.П. Толстова. В те годы сотрудники музея работали над созданием новой экспозиции, посвященной народам Средней Азии.

В рамках этой работы в 1938 г. состоялась поездка этнографов О.А. Корбе и Е.И. Маховой в Каракалпакскую АО. Открытие новой экспозиции было назначено на 22 июня 1941 г. Как известно, коллекции музея были эвакуированы из Москвы, после войны он был расформирован. В 1948 г. все материалы были переданы в Ленинград в ГМЭ народов СССР (ныне — РЭМ).

В 1933 и 1935 гг. каракалпакское постпредство в Москве передало некоторое количество этнографических экспонатов в МН СССР, в том числе две пары детских сапог.

В 1959 г. каракалпакское собрание обогатилось крупной коллекцией, собранной известным ученым и собирателем И.В. Савицким. Появились редкие предметы: амулеты и нагрудники для девочек. В 1962 и 1969 гг. состоялись две экспедиции в Каракалпакскую АО сотрудников ГМЭ народов СССР: А.С. Морозовой, М.В. Сазоновой и М.Д. Перлиной, которым удалось приобрести уникальный амулет и детский костюм, состоящий из рубашки и шапочки, которая до сих пор остается единственным головным убором в нашей коллекции.

Головные уборы. Шапка (РЭМ, колл. № 7876-23) с ушами, на тонком слое ваты, сшита из разноцветных лоскутков. Спереди пришита небольшая трехслойная розетка — *тумар* (амулет) из белой ткани, голубого и красного бархата. Такие шапочки (по сведениям собирателей) надевали детям обоего пола до двух-трех лет. Шапочка на момент приобретения (1969) была только что сшита.

Группа нижней плечевой одежды представлена рубашками *кур-рок-курте*, сшитыми из лоскутков разноцветной ткани. За исключением одного экземпляра все они теплые, простеганы на вате или на верблюжьей шерсти. Самый ранний образец — 1934 г., самый поздний — 1969 г. Эта новая рубашечка (РЭМ, колл. № 7876-24), без вырезанного отверстия по плечам, так как разрез по обычаю должен быть сделан по размеру головы ребенка. В детской одежде дольше сохраняются архаичные черты, поэтому, несмотря на целую эпоху, разделяющую эти вещи, в крое и декоре присутствует стилевое единообразие: верхняя часть переда и спинки вырезана из одного куска ткани, сложенного пополам; рукава, сужающиеся к кисти, вшиваются в прямую прой-

му; покрой прямой; в бока вставлены трапециевидные клинья; в боках разрезы. Рубашки самых маленьких обычно не подшивали, чтобы, по поверью, не мешать росту ребенка. Обязательным дополнением являлись фигуры в виде квадратов, составленные из лоскутов разного цвета, располагающиеся по центру переднего полотнища и на спине (в одном случае на подоле; РЭМ, колл. № 8762-22787). Судя по всему, строгого канона не существовало, и мастерицы подбирали кусочки для этих квадратов из того, что было под рукой, исходя из своего вкуса и уровня мастерства. Однако у каракалпаков существовал свой стиль, отличный, например, от аналогичных детских вещей у туркмен. Такие платья носили дети обоего пола до трех-четырех лет.

Эта группа предметов для самых маленьких детей, в вещах которых апотропейная функция прочитывается достаточно ясно. Значение имели все детали: сами лоскуты *курок* как защита от сглаза, обязательное присутствие красного (животворящего) цвета, сакрального для каракалпакской культуры числа «12» (количество видов ткани, из которых сшита рубашка; РЭМ, колл. № 7876-24), а также обязательные квадраты из разноцветных лоскутов, маркирующие грудь и спину ребенка.

Нижняя поясная одежда. Эта группа представлена штанами для девочек (две пары) и мальчиков (одна пара) одинакового кроя. Отличия касаются только ткани: у девочек использован яркий красный ситец с цветочным рисунком, у мальчиков — скромная коричневая хлопчатобумажная ткань. Предметы кустарного производства. Были приобретены собирателями О.А. Корбе и Е.И. Маховой в 1938 в г. Нукусе.

Верхняя плечевая одежда. Представлена тремя предметами, приобретенными в 1934 г. Это безрукавка для девочки из серой в рубчик хлопчатобумажной ткани, бешмет (камзол) (также для девочки) из черного бархата и халат на вате, стеганный. Кроем все эти вещи повторяют аналогичные предметы одежды взрослых. В каком возрасте каракалпакский ребенок начинал носить такую одежду, точно неизвестно. В специальной литературе имеется упоминание о том, что это происходило начиная лет с 6–7 [Этнография каракалпаков... 1980: 101]. Ношение верхней плечевой одежды (с рукавами или без рукавов в зависимости от времени

года) вне дома являлось этикетной нормой. «Появляться на улице без камзола считалось признаком нищеты или плохого воспитания» [Морозова 1954: 123]. Возможно, эта норма распространялась и на детей младшего возраста, которые появлялись на улице вместе со взрослыми. На фото А.Л. Мелкова изображена малышка возраста примерно одного-двух лет, в нарядном вышитом бешпенте, сидящая на руках у матери (МАЭ, колл. № 1381-44).

Обувь. Коллекция обуви 1930-х годов достаточно представительна. Открывается она уникальным экспонатом из коллекции А.Л. Мелкова. Это самодельные детские сандалии *шенек*. В коллекции также присутствуют сапоги из сыромятной кожи кустарной работы. Детские сапожки повторяют покрой традиционных мужских сапог.

Украшения шейные и шейно-нагрудные для девочки. К этой группе относятся два предмета, поступившие в 1973 г. (РЭМ, колл. № 8230-6, 7). Это коралловые бусы и ожерелье из красных бусин «под коралл» и крупного черного и белого бисера. Коралл у каракалпаков (наравне с сердоликом) — самый почитаемый камень, наиболее часто встречающийся в женских украшениях. Вера в его охранную силу и магические свойства, связанные с плодородием, широко распространена в среднеазиатско-казахстанском регионе.

К группе *съемных дополнений к одежде* относятся два нагрудника для девочек (поступили в РЭМ в 1959 г.). Первый (РЭМ, колл. № 7128-118) принадлежит к варианту, ранее не описанному в литературе. К верхней части из красного сукна пришита пятирядная сетка с ромбическим узором, сплетенная из коралловых и стеклянных разноцветных бус. По размеру верхней части нагрудника (15×15 см) можно сказать, что он принадлежал очень маленькой девочке. Второй нагрудник (РЭМ, колл. № 7128-202/1, 2) представляет собой две полосы малиновой шерстяной ткани с нашитыми металлическими украшениями *бокатуyme* (лягушка)¹.

¹ Подробно эта тема рассмотрена в совместной статье Е.Л. Кубель и Л.Ф. Поповой «Нагрудник в девичьем/женском костюме тюркских народов Средней Азии и Казахстана» настоящего сборника, см. с. 204–210.

Амулеты айшек. Принадлежат к трем типам, поступившим в музей в 1958 (первые два) и 1961 гг. (третий). Первый тип (РЭМ, колл. № 7128-234, 235): металлические плоские полые коробочки с подвесками. Отличительная особенность — присутствие пары когтей крупной птицы (орла или коршуна) — сильного оберега, по представлениям каракалпаков. Второй тип (РЭМ, колл. № 7128-236, 237): плоские пластины со вставками сердолика в центре и многочисленными подвесками. К третьему типу (РЭМ, колл. № 7403-23] принадлежит треугольник из ткани с многочисленными нашитыми предметами. На его среднюю часть нашиты голубая керамическая розетка с семью зубцами, раковины каури и 14 монет. К боковым сторонам треугольной основы прикреплены цепочки с монетами, бубенчиками и листовидными подвесками. К углам дополнительно пришиты маленькие треугольные *тумарша* — амулеты, в которые зашиты сушеные плоды гвоздики, перец, соль.

Девочкам до шести лет на спину платья-рубахи пришивали амулет *айшык* (каракалп. «маленькая луна»). Семиотические функции амулета различны. Его связь с луной (как в названии, так и по форме треугольника, обращенного вершиной вниз) символизирует женское начало. Раковины каури выполняли охранительную функцию. Треугольники, наполненные солью, перцем и гвоздикой, — средства, по народному поверью препятствовавшие сглазу и призванные увеличить магическое воздействие амулета. Охранительное и очистительное значение в амулете имели и монеты из серебра, эти свойства усиливались колеблющимися и шумящими при ходьбе подвесками из монет, отгоняющими злых духов. Монеты также способствовали магическому обеспечению материального благополучия девочки в будущем.

Анализ вышеизложенного материала в целом показывает, что, с одной стороны, он демонстрирует этническое своеобразие, с другой — выявляет вовлеченность каракалпакской культуры в общий круг среднеазиатских культур, особенно его арало-каспийской части. Детские шапочки с наушниками встречаются у туркмен-эрсари, проживающих на Амударье (РЭМ, колл. № 7447-21, 23; № 10700-17, 18), такие же наушники — характер-

ная особенность старинного каракалпакского свадебного головного убора *саукеле*, генезис которого, по авторитетному мнению исследователей, уходит в глубь веков, к головному убору хорезмийского царя I в. н.э. [Толстов 1952: 15].

К общехорезмийскому кругу может быть отнесен вариант нагрудника для девочки с плетеной сеткой.

Использование в качестве детского оберега женского украшения известно нам по полевым материалам [Кубель 2012: 29]¹. Таким же образом *айшек* с птичьими когтями (вариант широко известного хорезмийского височного украшения; РЭМ, колл. № 8763-540/1) стал оберегом и в этом качестве был приобретен собирателем И.В. Савицким.

Большой интерес вызывает использование в качестве оберега (на вышеописанном амулете: РЭМ, колл. № 7403-23) синей звездчатой керамической пуговицы персидской работы. Ее форму, по нашему мнению, повторяет *тумор* из ткани на детской шапочке (РЭМ, колл. № 7876-23). Такие пуговицы-обереги были известны и узбекам Хорезма (РЭМ, колл. № 7404-16), туркменам [Васильева 2006: 24], а также армянам, что выводит нас за пределы региона (РЭМ, колл. № 3737-134)².

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что коллекция детской каракалпакской одежды в Российском этнографическом музее, несмотря на свой небольшой объем, дает достаточно полное представление об этой теме. Она производит цельное впечатление, отражая большей частью то состояние культуры, которое можно еще назвать традиционным. Речь идет о времени конца 1920-х — начала 1930-х годов и в меньшей степени — о середине XX в. и первом следующем десятилетии.

¹ Информантка рассказала о том, что женское украшение *бокатуйме* (которое она назвала амулетом *тумор*) было пришито бабушкой к спине ее камзола, когда она была очень маленькой девочкой.

² А.А. Миллер в 1916 г. привез из г. Битлис куртку маленького армянского мальчика, на спинке которой пришита аналогичная пуговица в окружении раковин-каури. Этой информацией я обязана Л.С. Гущян, которой выражаю искреннюю признательность.

Библиография

Васильева Г.П. Магическая роль украшений и некоторых видов одежды в представлениях туркмен // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2006. Вып. V.

Кубель Е.Л. Полевой дневник экспедиционной поездки в Республику Каракалпакстан: 2012 г. // Научный архив РЭМ.

Морозова А.С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1954. Рукопись хранится в архиве Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения АН Узбекистана.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция // Тр. Хорезмской АЭЭ. М., 1952. Т. I.

Этнография каракалпаков конца XIX — начала XX в. Ташкент, 1980.

Список сокращений

ГМЭ народов СССР — Государственный музей этнографии народов СССР

МН СССР — Музей народов СССР

РЭМ — Российский этнографический музей

З.И. Курбанова

СВАДЕБНЫЙ КОСТЮМ КАРАКАЛПАЧКИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Свадебная обрядность каракалпаков содержала множество традиций и обычаев. Особое внимание при этом уделялось костюму невесты, каждая деталь которого тщательно продумывалась и имела особый смысл.

В начале XX в. костюм невесты включал *саукеле* (головной убор), *кок койлек* (платье), *кызыл киймешек* (головной убор), *жи-пек жегде* (накидку-халат), камзол, *шапан* (халат), *женсе* (нарукавник), *айдыллы* — *турме* (головной убор), *зерли геуиш* (туфли).

Саукеле — самая дорогая часть свадебного костюма. Этот головной убор был известен и другим народам: киргизам, баш-